

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Острова Фиджи

Море и ночь слились воедино. Слегка освещенные волны разбивались о кромку воды. Серебряная луна окрашивала пляж в янтарный цвет. Песок был мягкий и холодный, и Танкреди на ходу подкинул в воздух несколько песчинок, позволяя ночному бризу унести их с собой мгновение спустя. Затем он остановился. В его сердце только что всплыли воспоминания — прекрасные, сильные, уникальные, из какой-то другой ночи, случившейся так давно. Он смотрел вдаль, в сторону горизонта, который скрывала от него тьма.

«Я не вижу его, но знаю, что он там. Как и ты, София».

Волны накатили на его босые ноги, слегка намочив подол льняных брюк, закатанных до щиколоток. В воде плеснулась серебряная рыбка, случайно попавшая в лунный свет.

«Когда наступает ночь, все становится как будто труднее, отдаленнее, болезненнее. Тебя здесь нет, но, черт возьми, ты всегда рядом. Я не могу от тебя освободиться. Твой образ возвращается так внезапно, иногда словно сильная, стремительная волна, запущенная какой-нибудь бурей, а иной раз — словно низкий, слабый и легкий гребень, взволнованный небольшим ветерком. Иногда

бывает и так, что даже тот простой факт, что ты жива, заставляет меня поверить, обманывает меня в том, что я счастлив одной только надеждой возможной встречи с тобой. Я живу только ей, этой последней надеждой».

Танкреди продолжил идти. Пальмы качались в такт ветру. Луна поднялась еще выше. Далекие облака постепенно растворились и дали звездам сиять свободно. Какие-то мелкие ночные зверьки быстро шныряли по кустам.

Этот остров — рай, но иногда он напоминает самый настоящий ад. Чоран говорил, что ночи, когда мы спим, — это ночи, в которые нас не существует. В нашей памяти остаются только те, что бессонные. И сегодня вечером будет одна из таких.

Россия

В небольшом концертном зале на Можайской улице, окруженном снегом и деревьями, всемирно известная пианистка София Валентини играла Наймана. Ее глаза закрыты, она слегка двигала головой, а ее руки бегали по клавиатуре с невероятной скоростью. Музыка наполняла все пространство, окутывала людей, а ноты как бы проходили сквозь стены, попадали на улицу, поднимались к небу и летели сквозь белые облака, сквозь звезды и достигали наконец полной луны, которая слушала их и впитывала в себя. А ноты продолжали свой путь дальше и долетали до бесконечных глубин необъятного и далекого озера Байкал. Затем по той же дороге они направились в Уссурийский заповедник, чтобы затем вновь вернуться в этот полный зал людей, которые неподвижно, словно зачарованные, слушали ее музыку.

Оля сидела в левом углу заднего ряда. Она помнила каждую ноту наизусть, каждую строчку этого произведе-

Оля подняла руку:

— Не волнуйтесь, это правильно. Концерт был просто отличный, вы молодцы и заслужили отпраздновать.

Она направилась в сторону дома, стараясь не поскользнуться, а София и Виктор быстро зашагали в противоположном направлении.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Блики от освещенного снизу бассейна падали на маленькие кусочки мозаики на стене. Была поздняя ночь, но он все еще не спал. Танкреди сделал глоток коктейля «Бульвардье», который он только что приготовил. Ему нравился этот вариант негрони с виски вместо джина, его теплый, обволакивающий вкус, напоминающий французский «Бэль Эпок». И не только его. В этом бокале было нечто большее. Он делал этот же коктейль для Софии прямо здесь, на этом же месте, в баре на краю этого бассейна. Он рассказал ей, что этот коктейль был изобретен в 1927 году одним из самых легендарных барменов в истории, Гарри Макелхоном, создавшим его для американского писателя Эрскина Гвинна в «Harry's Bar» в Париже.

София с любопытством взглянула на него и, отпив немного, закрыла глаза:

— Очень вкусно.

— Здесь используется бурбон. Он придает ему нотки карамели, дерева и специй.

— Да, я чувствую. Он прекрасен.

Они продолжили пить, болтать, улыбаться друг другу, совсем потеряв счет времени. Волосы Софии, освещенные теми же бликами света, которые теперь рисовали странные фигуры на стене, казались крошечными узорами на воздухе. Она о чем-то говорила, но Танкреди не слушал. Он был слишком восхищен звучанием ее голоса

— Я ждала тебя.

— Не нужно было, я ведь уже взрослая, знаю, как найти дорогу домой.

— И знаешь, как ее потерять.

София решила не обращать внимания на эти слова:

— Будешь травяной чай? Я хочу заварить себе.

— Да, спасибо.

София налила воду в чайник, подожгла конфорку, обошла кухню, взяла чашки, блюдца, достала печенье, масло, сахар, две салфетки и положила все это на небольшой столик из массивного дерева, стоящий в центре кухни. Она открыла дверцу небольшого резного шкафа над холодильником:

— Какой чай ты будешь?

— А какие есть?

— С антиоксидантами, очищающий, расслабляющий, для похудения, с фенхелем и ягодами. — Она с улыбкой повернулась к Оле. — Есть на любой вкус.

— Тот, который будешь ты.

— Хорошо.

Вскоре они уже сидели друг напротив друга. София опустила пакетик чая из лесных ягод в чайник, а затем разлила заварившийся чай по чашкам.

Она подвинула сахар ближе к Оле, а сама взяла печенье с маслом:

— Это песочное печенье от Walkers просто восхитительно. — И она откусила от него кусочек, повертев упаковку в руках. — А еще вот то традиционное шотландское печенье в форме квадратиков. Не могу устоять, съем их все.

— А стоило бы сдержаться. Как погуляла? Хорошо провели время с коллегами?

София сделала глоток травяного чая и поставила чашку на блюдце:

— Их не было, Виктор все придумал. Мы были вдвоем.

Оля кивнула:

— Хорошо. Пожалуй, нам не помешало бы навести порядок и решить, что делать в ближайшие годы.

— А чего ты хочешь?

— Я хочу того, чего хочешь ты. Я не буду скрывать, что хотела бы ездить с тобой на концерты по всему миру, но не могу не напомнить тебе также, что у тебя есть муж, который, как бы это сказать... находится в подвешенном состоянии.

София начала раздражаться:

— Не понимаю, почему нам, женщинам, не разрешается заниматься сексом.

— При чем тут это?

— Ни при чем, но если вдруг мы начинаем проявлять подобного рода интерес, нам говорят, что мы шлюхи. Большинству женщин нравится заниматься сексом, но им приходится делать вид, что это не так.

Оля поняла, что все оказалось сложнее, чем она думала.

— У нас, женщин, есть нечто большее, чем у мужчин, то, что делает нас уникальными, особенными, — это ребенок. Мне не повезло, но я встретила тебя, когда тебе было всего шесть лет. Ты стала моим ребенком. Думаю, что было бы еще прекраснее, особеннее мне самой привести тебя в этот мир, но я уже так сильно люблю тебя, что не могу представить, каково это — иметь другого ребенка и быть для него матерью... И никогда уже не узнаю. Но не ты. Ты все еще можешь это сделать, у тебя впереди вся жизнь, чтобы стать совершенной.

— Чтобы стать совершенной?

— Женщина совершенна в тот момент, когда рождает ребенка. Именно тогда происходит, сотворяется чудо. Я считаю, что это самая прекрасная вещь на свете. Гораздо прекраснее, чем умение играть все когда-либо созданные симфонии одновременно. — София молчала. Оля подошла

посмотрела на Олю, немного беспокоясь о том, какую реакцию это вызовет. — Я скучаю по сексу.

Она увидела, что ее попытка взорвать неизвестную ей бомбу ни к чему не привела. словно если бы у гранаты сорвали чеку и отправили ее далеко и глубоко в море, а она, взорвавшись, отправила на поверхность всего лишь жалкий пузырь, который лопнул с тихим бульком.

Оля вздохнула:

— Я не вижу во всем этом ничего плохого, все это более, чем естественно. Ты красивая женщина, молодая, веселая, любопытная, радостная... Большинство мужчин сходят по тебе с ума и хотят тебя, а что уж говорить о тех, кто видел, как ты играешь!

— Почему?

— Поскольку видеть твою игру на фортепиано возбуждает еще сильнее — ты касаешься клавиш, будто ласкаешь музыку, будто занимаешься любовью. И это говорит тебе женщина.

— Да, думаю, мужчина выразился бы по-другому. Ты действительно так меня видишь?

Оля улыбнулась:

— Я преуменьшила. Ты не рассказала мне только одного, после твоей внимательной рефлексии по поводу вчерашнего вечера...

— Подожди... — София остановила ее. — Прежде чем ты мне скажешь то, что хочешь, я хочу тебе кое-что рассказать. Вчера вечером мы ездили ужинать в прекрасное место на острове Русский.

— Там очень красиво.

— Да. Виктор выложил по полной. И только подумай, он подарил мне оригинальную партитуру девятилетнего Моцарта. Я даже представить не могу, сколько она стоит. Минимум три тысячи евро.

— Это шесть его зарплат, не говоря уже о том, сколько он потратил на ужин. Вы заказывали много вина?

- Да, самых разных, и все отличного качества.
- Он как будто весь год играл только ради тебя.

София рассмеялась:

— Да, но в самый важный момент он сделал ошибку. Я вспомнила один замечательный фильм с Де Ниро и Мерил Стрип — «Влюбленные» — тот эпизод, где они идут к нему домой, начинают страстно целоваться, перебираясь на кровать, но потом она вырывается, извиняется и хочет уйти домой. Она влюблена, но чувствует себя виноватой... — И София замолкла.

В этот момент Оле захотелось узнать обо всем, спросить ее, что же все-таки случилось. Была ли она у него дома? И да, целовались ли они? Чем занимались еще? Но она понимала, что сейчас не время, поэтому продолжила молчать. Она знала Софию и понимала, что та сама решит, что ей рассказать и в особенности когда.

София извинилась:

— В общем, прости, я не знаю, зачем я тебя перебила. Что ты хотела мне сказать?

— Ты права, что желаешь все то, о чем только что мне рассказала. И, честно говоря, ты могла бы легко получить все это и не тратя время на поиски мужчины, потому что он у тебя уже есть. София, может быть, ты этого не помнишь, но ты замужем.

София рассмеялась:

— Ну конечно! Вот чего ты хочешь! Ну хорошо хоть ты мне сказала, а то я все не могла вспомнить, весь вечер вчера думала за ужином: а не замужем ли я?

Оля покачала головой:

— Я ни разу не спрашивала тебя о том, что тогда произошло. Ты не хотела мне рассказывать, и я не настаивала. Я знала только, что с твоим мужем произошел несчастный случай, а потом была операция. Но я так и не поняла, почему ты сбежала.

— Я ни разу не встречал женщины, которая понравилась бы мне больше тебя. Ты уникальна во всем, от твоего непростого характера, твоих прихотей до твоей щедрости. И теперь, когда я снова рядом с тобой, то понимаю, что ты мне нравишься еще больше.

— Да, но ты не ответил на мой вопрос: ты изменял мне? — Затем, подумав, что и в этом случае Андреа может найти лазейку, она уточнила: — Я имею в виду, переспал ли ты с кем-нибудь, занимался ли ты сексом с кем-либо в это время?

Теперь у него не было возможности уйти от вопроса. Андреа посмотрел ей в глаза, пристально, прямо, ни разу не смутившись:

— Нет.

София немного выждала, посмотрела на Андреа, пытаясь уловить в нем какую-нибудь неуверенность, запоздалую мысль, нерешительность. Но он смотрел пристально и ровно.

— Нет, — улыбнулся он ей, — я сказал тебе, что нет.

София кивнула. В таком случае, возможно, все действительно начнется заново с этого момента.

В этот момент к столу подошел хозяин:

— Ну что, как вам спагетти? Я видел, что вы ими поделились.

София весело рассмеялась:

— Да уж, поделилась! Это он, как обычно, умолял меня дать ему попробовать немного моей любимой карбонары, и я в конце концов сдалась. Но этого больше не будет — я его предупредила. В общем, они невероятно вкусные.

Хозяин счастливо улыбнулся:

— Я очень этому рад. Мы уже много лет стараемся продолжать традиции качественной римской кухни. И все это прежде всего благодаря моей маме. Могли ли я вам ее представить? — Только сейчас Андреа

И она не врала. Нужно было говорить чуть громче, чтобы было слышно.

— Эй, а они неплохо играют.

— Да-да, они классные, здесь всегда выбирают качественных ребят, если так можно выразиться... — Андреа улыбнулся ей. — Тогда никаких сомнений. Ты, похоже, хочешь пойти к ним и сыграть что-нибудь на пианино?

— Нет, перестань, не заставляй меня вмешиваться, как тогда в Греции.

— Верно. А я как раз думал о том времени. Ты права, сегодня у нас спокойный вечер. Хочешь выпить?

— Да, спасибо.

Они заказали два мохито.

— Ой, ты знаешь, действительно очень вкусно!

— Да, коктейли у них тут отменные.

Поэтому они решили попробовать еще два дайкири, а затем две кайпириньи, пока, играя на кларнете и трубе, группа переходила от Колтрейна к Бенни Гудману. Люди вокруг начали двигаться в такт. Когда группа затем начала играть кое-что из St Germain, снова раздались аплодисменты. За столиком вдалеке Матильда и Надя тоже слушали музыку. Надя положила свою руку на руку Матильды, приблизилась к ней, что-то сказала, ту это рассмешило. Матильда кивнула, и Надя поцеловала ее, затем отстранилась. Мгновение они смотрели друг на друга и улыбались. Матильда сделала глоток своего напитка, а Надя закурила сигарету, гадая, действительно ли она сдержит то, о чем сказала ей.

К Андреа и Софии подошел официант:

— Ваша кайпиринья. — И ушел.

Андреа взял свой стакан и поднял его в сторону Софии, которая сделала этот же жест.

Андреа улыбнулся ей:

— За тебя, за твое возвращение. — Он слегка наклонился к ней и нежно поцеловал ее в губы.

— Прекрасно. Восхитительно. Так значит, ты сейчас говоришь мне, что я плачу тебе такие деньги за то, чтобы не получить никакого решения... — Танкреди откусил кусок лобстера: — Мне нужно будет пересмотреть наш контракт.

— Да, ты прав. Допустим, я никогда раньше не попадал в такую ситуацию. Вот. Я бы сказал, она очень необычная. Но во всех остальных ситуациях я не так уж и плохо себя показал, не правда ли? Я всегда добивался нужного результата.

— Это правда, это правда. Но во всех остальных случаях исход интересовал меня гораздо меньше, чем на этот раз. Честно говоря, если приходится сравнивать, то я бы сказал, что раньше меня исход не интересовал совсем.

Савини выпил шампанского:

— А пока могу ли я предложить заплатить за этот ужин?

— Здесь, на острове, у нас тариф «все включено». Да и вообще тут все мое.

— Именно. Мне понравилась сама идея предложить тебе это.

— Ага, ну да, слишком просто. Тебе нужно отыскать какую-нибудь другую отличную идею, чтобы однажды София оказалась здесь на твоём месте.

— Я советовал тебе не ехать к ней в Россию — прошло еще слишком мало времени.

— Конечно, как же... Так легко говорить. Если бы я поехал позже, ты бы сказал, что надо было ехать раньше. В какое время я бы ни поехал, я бы все равно проиграл. Она была и остается непреклонной.

Савини задумался на некоторое время.

— Чего хотят женщины?

— Ага, чего они хотят? Это ты мне расскажи.

— Разве ты не помнишь фильм «Красотка»?

— Ну уж извини, я ожидал какой-нибудь глубокой мысли, что-нибудь из Фрейда, Юнга, Амура и Психеи, а ты говоришь мне о комедии, в которой главная героиня к тому же играет проститутку... Извини, Савини, но твое сравнение кажется мне несколько оскорбительным.

Савини рассмеялся:

— Не в сравнении тут дело, а в том, какую мысль пытаются донести этот фильм. И он делает это лучше любого философа. Женщинам нужна сказка.

— Я уже дал ей сказку... Остров, самолет, эксклюзивный концерт — я знал все, что ей нравится и чего она хочет, и я дал ей все это.

— Это то, что нравится тебе. Может быть, ты выбрал не ту сказку.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю. Но именно об этом мы и должны задуматься.

Танкреди покачал головой:

— Все так приблизительно, никакого решения. Ты тыкаешь наугад. Нам точно нужно пересмотреть наш контракт.

Савини рассмеялся и покачал головой:

— Какая неблагодарность...

Они продолжили ужинать. Танкреди подал ему мороженое из манго со сливками, присыпанное шафраном, в сопровождении превосходного вина «Муффато», сделанного из токайского винограда фурминта. И наконец Танкреди подал ему пудинг из горького шоколада, поставив рядом два стакана рома «Agricole Extra Vieux Sherry Finish».

Затем Танкреди вновь вернулся к теме.

— Расскажи мне поподробнее о своей концепции. В каком смысле я выбрал не ту сказку?

— Ты уверен, что это действительно то, чего она хотела? Мы слишком часто думаем, что знаем других. А если

София посмотрела на него:

— Ты ведь мне не врешь?

— Нет, дорогая. Однако в ожидании я пытался отвлечься и позволил себе все разные маленькие удовольствия. Я прошел короткий курс дегустации еды и вина, который проводил один известный сомелье. Я часто ел дома, экспериментируя с новыми рецептами. Пытался таким образом скоротать время, думая о других вещах, а иначе я бы сошел с ума.

София ничего не сказала. Она почувствовала себя в чем-то виноватой, но не во всем. В конце концов, сейчас она здесь, она вернулась, а то время было ей нужно. Не было смысла продолжать так, будто ничего не произошло. Взять эту паузу было необходимо.

Они перебрались на кровать и залезли под одеяло. Тут они трепетно дышали, гладили друг друга, и затем в какой-то момент София обняла его и прошептала на ухо:

— Мне нужно чуть больше времени, не сердись, пожалуйста.

— Я не сержусь.

И они заснули.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Кофе медленно стекал в чашку. Как только она наполовину наполнилась, Танкреди достал ее из-под кофемашины и стал пить. Теплый, ароматный, насыщенный, сильный вкус кофе.словно небольшая пощечина, выбивающая из сонливости. Ему действительно было это нужно. Затем он вернулся к столу, разблокировал компьютер, стоявший в режиме ожидания, открыл папку на рабочем столе, защищенную еще одним паролем. И перед его глазами начали мелькать тысячи фотографий Софии в разные

София поставила на стол эту большую свечу, сделанную в форме цветка, ей хотелось так много сказать Лю Доу, но она не смогла, потому что боялась, что голос сорвется и она разрыдается. Один за другим приходили гости, друзья и музыканты, с пакетами, свертками, цветами, бутылками и всевозможными инструментами, которые они оставляли в гостиной рядом с диваном, каждый в своем футляре. Этот угол София отметила карточкой: «МУЗЫКАЛЬНЫЙ УГОЛОК».

Музыканты самых разных возрастов и происхождений болтали, потягивали шампанское, шабли, игристые вальтеллинские вина и франчакорта.

— Да, мне тоже, спасибо.

Итак, они пили «Кьянти», «Мореллино» и даже крепкое «Бароло». Официанты по очереди раздавали бокалы, разносили закуски и салфетки, убирали грязную посуду. Они входили на кухню и выходили из нее без остановки. София терялась в улыбках, болтовне, поцелуях, объятиях, распакованных подарках, воспоминаниях, именах, знакомствах с чьим-то новым спутником жизни, новым другом, новым партнером.

— Мы поженились этой зимой. Ты не помнишь? Я же тебе говорила, что ты приглашена, но ты была в России.

— О да, точно! Какая я грубая, я даже ничего тебе не подарила!

Ее собеседница улыбнулась:

— Твой подарок будет в том, что сегодня мы будем играть вместе, прямо как в былые времена!

Она обняла эту великую скрипачку Лею с ее мужем Ицхаком, играющим на эрху, но, уходя, София бросила на них неуверенный взгляд, полный сомнения. Какой будет жизнь ее двух коллег? Может, в ней будет меньше измен? Смогут ли они уважать друг друга, любить друг друга, противостоять искушению, даже находясь далеко

друг от друга, играя в разных частях света? Сплотит ли их музыка? Или они тоже придут к тому, что их мечта разрушится, и нарушат идеальную гармонию? Так она оказалась в самом дальнем углу гостиной, рассматривая всех своих старых и новых друзей, бывших коллег, слушая их болтовню, путая разные языки. Она выпила белого прекрасного охлажденного «Совиньона». «Я хочу, чтобы моя жизнь всегда была такой — полная музыки и друзей, счастливых вечеров, детей. Да, я бы хотела детей». Она посмотрела на все вокруг, словно на какой-то фильм, ее фильм, самый лучший фильм, который она только могла представить, и вдруг увидела, как один, два, три ребенка появились один за другим. Они играли в гостиной, то и дело протягивали свои пухлые ручки, которыми тащили со стола оливку, кусочек пиццы, немножко пармезана, и, хохоча, неуловимо бегали среди взрослых. Они были кучерявые, красивые, веселые, похожие, но в то же время разные и быстрые. «Только вот ничего из этого у меня не будет...»

— София! Какая красота!

Зашла Лавиния, за ней Стефано. Они смеялись и разговаривали, но она просто кивала — она, кажется, не понимала, что происходит, была все еще ошеломлена, ничего не слышала.

— Я говорю, Андреа... Андреа не здесь?

— А?

Только сейчас она поняла, о чем спрашивал ее Стефано. И в этот момент она увидела, как Андреа вошел в гостиную, улыбнулся, поздоровался с гостями. Он был так весел, так беззаботен и выглядел до абсурдного красивым, но почему? Потому что он был виновен.

— Привет, дорогая.

Он подошел к ней, чтобы поцеловать в губы, и она инстинктивно отвернулась, подставляя ему щеку:

— Привет...

Андреа с удивлением посмотрел на нее:

— Что случилось? Это же я...

София встряхнула головой:

— Да, извини, ты прав! — Она улыбнулась ему, быстро чмокнув в губы. — Просто тут такая неразбериха.

— А мне кажется, что все идет очень хорошо.

— Да-да, это правда.

Она убежала на кухню. Она вошла и оперлась руками на стол — у нее кружилась голова.

Один из официантов заметил это:

— Что такое, синьора? Вы плохо себя чувствуете?

— Нет-нет, все в порядке, просто не хватало воздуха.

— Синьора, ни о чем не волнуйтесь, мы тут все делаем, веселитесь. У Луки отличная репутация. Вот увидите, мы вас не разочаруем. — Затем он улыбнулся ей: — Я после сигареты съел жвачку, так что, видите, мы тут ко всему с бережностью относимся. Идите туда, не беспокойтесь.

— Да, спасибо...

София успокоилась и вышла из кухни. «Это правда, он заметил, да и все всё замечают, нужно успокоиться, да, стать спокойнее». Когда она вернулась в гостиную, то увидела, как Андреа разговаривал со Стефано, болтал со стаканом в руке, а на свободное место в книжном шкафу поставил свою тарелку, полную всяких вкусностей, от которых то и дело немного откусывал. Затем он заметил ее, посмотрел на нее издали, и, словно хотел изучить ее, понять, исследовать, он немного прищурился, чтобы сильнее сосредоточиться на ней. София поняла это и, поболтав с очередным гостем, очень естественно развернулась к нему, улыбнулась и послала ему поцелуй. Андреа поймал его, вздохнул и расслабился. Вечер продолжался. Казалось, все веселятся, и даже София выглядела так, как будто радуется вечеринке больше всех остальных, но в глубине души она думала, что она, скорее, актриса, а не музыкант. Официанты проходили мимо с подносами,

пускал педаль, прерывая слишком долгий звук, а затем разрешая ему звучать вновь. Плечи Софии поднимались и опускались. Красота этой женщины была неповторима, совершенна, она полностью гармонировала с музыкой, которую она играла. Тогда Танкреди снова увидел ее на своем острове, когда, несмотря на свое сопротивление, София играла для него, а он чувствовал, как сжимается его сердце: ему было стыдно за то, что эта прекрасная женщина была его, только его, а он позволил ей сбежать. «Разве это возможно? Разве это действительно произошло?» Он вспомнил поцелуи и слова, взгляды и улыбки, как переплетались их ноги, их тела во время долгих ночей, проведенных там, у моря, когда он прислушивался к ее дыханию, примешавшемуся к ее запаху нежного индийского чая, которым обладала только она одна на всем свете. И вдруг он улыбнулся. «Те юные ребята из отеля — ничто по сравнению с нами, их робкие молодые поцелуи бледнеют перед нашими разгоряченными губами, перед нашей страстью, красотой каждого мгновения, проведенного вместе с ней». Однако он понимал, что это всего лишь воспоминание, потускневшее воспоминание — то, что осталось от того, что было, и что, возможно, больше никогда не повторится. Магия тех ночей, их страсти исчезла, растворилась, превратилась в ничто, была забыта, уничтожена. Красота звучащей музыки идеально сочеталась с меланхолией, которую сейчас ощущал Танкреди, с его безмерным одиночеством, которое вдруг опустошило его полностью. Так, в тишине, слезы начали капать из его глаз, одна за другой они скатывались по его щекам, и он, отвлекшись, невольно, сам того не сознавая, вытер их указательным пальцем, проводя по левой щеке и отводя их в сторону, как будто все его чувства можно было скрыть и стереть. Савини заметил это. Он смотрел на него молча, шокированно, не в состоянии ничего сказать и даже сделать вид, что не заметил.

Концерт заканчивался, зрители вскочили на ноги, радостно зааплодировали, осознав, что приняли участие в чем-то уникальном, экстраординарном, что все они побывали на идеальном концерте. Дирижер, музыканты — все это понимали, а самые горячие и бурные аплодисменты предназначались ей. Когда София сделала несколько шагов вперед, публика, кажется, переключила передачу и слилась в единый шквал нарастающих и почти оглушительных аплодисментов. Она была очень тронута и улыбалась все две, три, четыре минуты. Затем, как только началось какое-то движение, Танкреди первым покинул зал.

Савини шел рядом с ним:

— Невероятно, правда?

Танкреди поднял правую руку, как бы говоря: «Замолчи, пожалуйста, не сейчас, я не могу, оставь меня в покое».

Они шли бок о бок, молча, по большому темному коридору, вдоль окон, откуда издалека виднелся фьорд. Затем позади себя они услышали шум зрителей, которые продолжали хлопать в ладоши.

По прибытии в отель Танкреди вновь удивил Савини:

— Сколько нам понадобится времени, чтобы уехать?

— Сейчас?

— Да, как можно скорее.

— Нужно узнать, разрешат ли нам полет.

— Дай мне знать. Я буду ждать звонка в своем номере.

И он ушел, оставив его в холле в одиночестве.

Софию заваливали комплиментами все подряд, включая членов королевской семьи, короля Харальда V и его жену Сою, их гостей, а также королеву Дании и даже дирижера.

— Я знал о вашем мастерстве, я слышал о вас, но думал, что все это преувеличение. Но сейчас же я должен сказать, что вы превзошли все мои ожидания. Вы — идеальная пианистка. Еще ни разу в жизни мне не выпадало